

устремлений; на некоторое время они были задавлены триумфом диалектической культуры XIII века, но не умерли, а, напротив, были готовы вот-вот пробудиться вновь.

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В ИТАЛИИ

Возвращение почитания культуры в Италии неразрывно связано с личностью и творчеством Петрарки*, о котором Эразм скажет, что он был «reflorescentis eloquentiae princeps apud Italos»* *.

С 1312 по 1316 г. в скромной грамматической школе Карпентрас ребенок, пришедший туда в восемь лет, изучает латинскую грамматику под руководством простого и бедного учителя Конвеневоле да Прато. Это был прекрасный грамматик, но отнюдь не художник. Он умел наточить свой нож, скажет впоследствии Петрарка, но не умел им воспользоваться. Короче говоря, один из преподавателей латинской грамматики, каких насчитывались сотни, только Конвеневоле выпала удача сказать, что видел он только одного ученика. Именно там, на занятиях средневековой латинской грамматикой, подобных всем этим занятиям в средневековье, Петрарка имел причины сказать: «С самого моего детства (ab ipsa pueritia) до того возраста, когда все еще зевали над Проспером и Эзопом, я приступил к чтению Цицерона — то ли по естественной склонности, то ли под влиянием отца, который питал большое почтение к этому писателю. В том возрасте я не мог ничего понять (nihil intelligere

545

1. Возвращение литературы в Италии

poteram); единственная вещь, которая меня привлекала, был звучный и нежный ряд слов (verborum dulcedo quaedam), тон, которым звучали слова (sonoritas)». Если у Петрарки есть что-то сугубо личное, так это его ранняя любовь к словесной музыке Цицерона, почти внезапный восторг от нее. Бесплезно здесь рассуждать о том, знал ли он о каких-то открытиях античности, которые отвратили его от варварской готики. Это, впрочем, совсем другой предмет, и он придет много позже, а зерно петраркизма в другом. В том возрасте, когда Петрарка, по его собственным словам, еще не мог понять смысла текста, он наслаждается музыкой слов и никогда больше не перестанет ее любить. Цицерон останется для него неподражаемым мастером красноречия: «fait enim coelestis viri illius eloquentia imitabilis nulli»*. «Я еще не читал творений Отцов Церкви, — скажет он в письме, написанном уже в старости, — ибо был ослеплен заблуждением и раздувался от гордыни, свойственной юности. Мне ничто не нравилось, кроме Цицерона, особенно после того как я прочитал «Об образовании оратора» Квинтилиана; там есть место, где он говорит — я передаю смысл фразы, потому что у меня нет под рукой этой книги и я не могу вспомнить дословно, — что можно рассчитывать на хорошее будущее, если сильно любишь Цицерона». И в самом деле, сочинения Петрарки в массе своей — это сочинения латинского писателя. Издание 1554 г. содержит 1375 страниц латинских произведений, (которые теперь мало кто читает), в том числе двенадцать эклог и эпическую поэму в девяти песнях («Африка»), и 76 страниц бессмертной поэзии на народном языке; вряд ли он не понимал ее ценности, но в надежде обессмертить свое имя рассчитывал на нее меньше, чем на свою «Африку». Таковы факты, из которых следует исходить, чтобы понять человека, вернувшего Западу забытую изящную словесность. Петрарка — музыкант; именно беспредельно тонкий слух этого художника стал виновником того, что его покорила и сделала сво-